Буров А.Г.

ЛИНГВИСТЫ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ О ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье освещается история изучения западноевропейских заимствованных слов в языке турок. Работы российских и украинских авторов рассмотрены в нашей предыдущей статье [1, с. 170 – 174], а здесь речь пойдет о трудах, изданных во Франции, Англии, Германии, США, Израиле и Турции. Эти работы ранее практически не анализировались ни в украинской, ни в российской языковедческой литературе, а без знания их невозможно дальнейшее изучение заимствованной лексики и вообще истории языка нашего южного соседа. Следовательно, поставленная проблема тесно связана с важнейшими научно-практическими заданиями. *Целью* статьи служит оценка вклада, внесенного зарубежными лингвистами в изучение темы. Мы попытаемся сделать анализ основных публикаций, касающихся слов, заимствованных турецким языком из языков Западной Европы.

В 1921 г. вышла в свет «Грамматика турецкого (османского) языка» французского тюрколога Жана Дени, в которой обращается внимание на фонетические особенности лексики, заимствованной из западноевропейских языков. В турецком языке появился согласный *j*, употребляющийся только в иностранных, в основном французских, словах, например, *jurnal* [2, с. 73]. Когда османский язык заимствовал лексику, имевшую в начале слова стечение согласных, противоречащее его принципам, в это сочетание вставлялся опорный гласный (перед согласными) или промежуточный (между ними) [2, с .91]. Слова, поступившие из западных языков, обычно не подчинялись закону гармонии гласных, сохраняя первоначальное произношение [2, с. 107]. В 1955 г. Ж.Дени издал другой свой труд – «Принципы турецкой грамматики». В нем он пишет, что в европейских заимствованиях иногда имели место небная ассимиляция гласных (*madalya*), озвончение *k* (*gazino*), оглушение *b* *(potin)* [3, с. 71, 87 – 88].

Ученик Ж.Дени, Луи Базен, опубликовал в 1968 г. работу «Введение в практическое изучение турецкого языка», где он указывает, что в 1928 г. в Турции был принят алфавит, близкий к французскому [4, с. 9]. Автор книги подчеркивает, что многие слова турецкого языка – французские по происхождению (*abajur*, *adres, üniversite* и др.). Так как в исконно турецкой лексике стечение гласных не встречается, в западных заимствованных словах эти сочетания устранялись с помощью вставки согласных *v* или *y* (*burjuva, fayton*). Лексика, в которой все-таки используются два гласных рядом, явно иностранная, в частности французская (*arkeoloji*). В конце слова звонкие согласные *b, d, g* оглушались (*mikrop, metot, buldok*). Однако они снова становились звонкими, если слово присоединяло аффикс, начинающийся с гласного (*mikrobu, metodu, buldogu*) [4, с. 12, 14 – 16]. Следует отметить, что в рассмотренных нами трудах французских лингвистов рассматриваются только фонетические особенности западноевропейских заимствований и не анализируются причины и время их проникновения в турецкий язык.

Из работ на английском языке особого внимания заслуживает монография Юриела Хейда «Языковая реформа в современной Турции», изданная в Израиле в 1954 г. В этой книге говорится, что реформа турецкого языка началась в середине Х1Х в. Влияние европейской культуры вызвало существенные изменения в языке турок. Этому способствовал Танзимат – реформы исполнительной, законодательной и образовательной систем. Количество западных слов в турецком языке стало значительно увеличиваться из-за срочной потребности в новых терминах, которые поступали из европейских языков. Французская художественная литература, служившая главным источником вдохновения у турецких писателей, содействовала поступлению французской лексики в турецкий язык [5, с. 10, 14 – 15]. Наличие заимствованных интернациональных терминов в турецком языке помогало студентам использовать западную научную литературу и укреплять связи между научными исследованиями, проводимыми в Турции и других странах [5, с. 39].

Ю.Хейд делит западноевропейские заимствования на две группы. Первая из них – пласт слов, проникших в период от появления первых турецких поселений в Анатолии до начала Х1Х в. Самыми значительными источниками были греческий и итальянский языки. Преобладающую часть этой лексики составляли названия предметов повседневного употребления, морские термины и обозначения учреждений. Такие слова подвергались значительным фонетическим изменениям. Однако большинство европейской лексики, главным образом французской, было заимствовано турецким языком после того, как началась вестернизация Османской империи (первое десятилетие Х1Х в.). Этот более поздний пласт слов Ю.Хейд называет второй группой западных заимствований. Сначала пришла преимущественно лексика, обозначавшая новые вещи и идеи, а затем слова, заменившие арабо-персидскую лексику [5, с. 76 – 77].

Основанное в 1932 г. Турецкое лингвистическое общество (ТЛО), по мнению Ю.Хейда, иногда умышленно увеличивало европейский словарный фонд в турецком языке, заменяя некоторые арабские и персидские заимствования западными. В то время, когда турки перенимали европейскую культуру, западные термины были предпочтительнее. К тому же они казались менее опасными для самобытности турецкого языка. Процесс заимствования европейской лексики носил более ограниченный характер по сравнению с усвоением арабо-персидских слов в прошлом. Этим объясняется терпимое отношение ТЛО к западным словам.

Введение латинской письменности, появление многих переводов европейских литературных произведений, возрастание знания западных языков среди все более широких слоев населения способствовали неуклонному увеличению количества заимствований в турецком языке, облегчали и ускоряли их внедрение. Французская лексика часто употреблялась для того, чтобы показать образованность говорящего. Члены ТЛО пытались остановить поток западных слов, но не совсем успешно. Некоторые европейские заимствования были заменены турецкими неологизмами, но количество удачных эквивалентов оказалось незначительным [5, с. 78 – 79].

По мнению Ю.Хейда, арабский и персидский языки, а также иврит легко обходятся без заимствованных слов, пользуясь своими исконными. В этих трех языках такие, например, общеупотребительные понятия, как «велосипед», «шофер», «станция», «фабрика», «газета», «культура», передаются собственными средствами, а турецкий язык использовал западную лексику [5, с. 80].

Как указывает Ю.Хейд, усвоение арабо-персидской терминологии закончилось после того, как республиканская Турция отвернулась от исламской культуры. В школах было запрещено преподавание арабского и персидского языков. Для нового поколения, которое больше не владело их основами, эти термины были непонятны. К тому же арабские слова с трудом передавались латинским письмом. Поэтому они оказались обреченными на исчезновение [5, с. 81]. Все эти факторы открыли дорогу для беспрепятственного проникновения европейской лексики в турецкий язык.

В 1958 г. в США вышла в свет работа Генри и Рене Кахане в соавторстве с Андреасом Титце «Лингва франка в Леванте». В ней говорится, что с XV по XVIII вв. «оттоманский» язык заимствовал большое количество слов греческой и итальянской морской терминологии. Эти элементы входили в язык турок как прямые заимствования или как переводные кальки. В книге исследованы 723 итальянских и 155 греческих морских слов. Авторами отмечается важная роль греческого языка в передаче итальянской лексики [6, с. 38 – 39].

В 1967 г. в Англии была издана «Грамматика турецкого языка» Джеффри Льюиса, в которой он пишет, что заимствование французских слов турецким языком началось в XIX в. При усвоении лексики, общей для французского и английского языков, предпочтение всегда отдавалось французским формам (*deterjan, kilosikl*) [7, с. XXII]. Описывая турецкие гласные звуки *a, o, i, ö, ü*, исследователь отмечает их сходство с соответствующими французскими [7, с. 13 – 14]. Освещая образование женского рода существительных в турецком языке, Дж. Льюис указывает на использование уже готовых французских форм (*aktris*, *dansöz*). В других случаях к французским заимствованиям добавлялись турецкие слова kız «девушка» или kadın «женщина» (kadın garson «официантка») [7,с. 25]. Интересен тот факт, что во французском языке слово garçon – мужского рода («мальчик», «парень», «официант»). Турки же, не понимая, что оно означает, образовали от него существительное женского рода. Рассматривая вопрос об ударении, ученый отмечает, что иностранные, в частности итальянские, заимствования обычно сохраняли свое оригинальное ударение на предпоследнем слоге (*lokanta, gazete*) [7, с. 21].

В 1968 г. западногерманский лингвист Карл Штойервальд опубликовал свою монографию «Исследования по современному турецкому языку». В ней рассматривается проникновение европейского словарного фонда в турецкий язык. Вслед за Ю.Хейдом, этот автор отмечает, что оно началось с заимствований из итальянского и греческого языков. Они внесли специальную терминологию моряков и рыболовов. В период Танзимата произошло укрепление культурных связей Турции с Западом и возникла зависимость турецкой цивилизации от европейской. В результате начался «импорт» западных слов в турецкий язык. С отходом от османских языковых традиций поступление новой арабо-персидской лексики стало невозможным, а тюркоязычные средства замены не могли в должной мере использоваться. В результате возник «лексический вакуум», который начал заполняться словами из западных языков. Европейская лексика сначала медленно проникала в турецкий язык, потом все быстрее и быстрее и, наконец (с 1930 г.), «хлынула в виде лавины», будучи воспринятой не только интеллигенцией, но и простыми людьми [8, с. 53 – 54]. .

К.Штойервальд подчеркивает, что среди западных заимствований резко преобладают французские, а немецкие и английские слова немногочисленны. Предпочтение французскому языку было обусловлено преобладанием цивилизаторского влияния Франции в Леванте. К тому же французское произношение, в частности ударение на последнем слоге, не было для турецкого населения так непривычно, как произношение других, например германских языков. Хотя типично носовых гласных в турецком языке нет, в нем есть, по К.Штойервальду, «носовой резонанс» («назализм»), который, правда, выражен слабее, чем во французском [8, с. 60 – 61]. Немецкий ученый также выделяет два основных вида французских синтаксических сочетаний, заимствованных турецким языком: 1) когда связь между двумя словами осуществлялась посредством предлога *de (tabldot, ropdöşambr*) и 2) когда определяющее прилагательное было после существительного (*ekonomi politik, kartpostal, postrestant, şezlong*) [8, с. 65 – 67].

Перейдем теперь к работам турецких авторов. В 1945 г. ТЛО издало труд Ахмета Джевата Эмре «Турецкая грамматика. Грамматический очерк о развитии турецкого языка в настоящее время и в прошлом». В нем отмечается, что в течение последних столетий из западных языков в турецкий проникло немало слов, начинавшихся с двух согласных (*program, profesör.*). Подобные сочетания

явно свидетельствуют об иностранном происхождении такой лексики. Другие признаки иноязычности - отсутствие гармонии гласных (*aktör, paket*) и наличие гласного *o* в последнем слоге (*balon, palto*) [9, с. 98 – 100].

В 1953 г. вышла в свет работа Хайдара Палавана «Некоторые мысли о турецком языке и терминологии», где рассмотрены греко-латинские термины, пришедшие в турецкий язык преимущественно из французского. Международная терминология в виде греко-латинских слов перешла в турецкий язык в основном в той форме, в какой она произносилась по-французски; французская орфография не учитывалась. Воспользовавшись словарем, составленным в 1945 г. и включающим 40 000 слов, Х.Палаван обнаружил в нем 2188 терминов, проникших в турецкий язык через французский. Для сравнения турецких терминов с соответствующими словами из латинского, французского, английского, немецкого и русского языков он представил их в таблицах, разделив всю терминологию на 30 групп. Например, в одну из них лингвист включил качественные прилагательные, поступившие в турецкий язык из французского (139 слов). Другая группа – это 30 глаголов типа *organize etmek*, где французская форма *organize* употребляется с турецким вспомогательным глаголом *etmek*. По Х.Палавану, большинство народов заимствовало международную терминологию из латинского языка, приспособив ее к своим правилам. Турки же взяли такие термины из французского языка, почти их не отуречив [10, с. 44 – 47].

В 1959 г. Энвер Эсенкова опубликовал свое исследование «Французское влияние на турецкий язык». В нем автор пишет, что французское лексическое воздействие на турецкий язык, выразившееся в проникновении в него французских слов, началось в довольно далеком прошлом. Причиной поступления этой лексики в язык турок были турецко-французские связи. В XVI в. был подписан договор, предоставивший французам возможность пользоваться в Турции широкими правами. После заключения торговых, дипломатических и военных соглашений с турками Франция установила свое господство на Ближнем Востоке. Позднее аналогичные положения распространились на другие западные страны, но их торговые контакты осуществлялись под флагом и покровительством Франции. В турецком языке все европейское получало французские названия. Французское влияние в Турции неразрывно связано с попытками реформ. Султан Селим III начал реорганизацию армии по французскому образцу. Будучи уверенным в техническом и военном превосходстве Запада, он специально из Франции пригласил инженеров, которые помогли построить завод артиллерийских орудий. В Султанском лицее открылось инженерное училище, где обучение велось на французском языке. Французские художественные произведения и научные сочинения переводились на турецкий язык [11, с. 3 – 4)].

Преемник Селима III, Махмуд II, продолжил проведение реформ. В открытых им военных школах обучение велось по-французски. Большую часть преподавателей медицинского училища составляли французы. Интеллигенция, придворные султанского дворца, а иногда и сам султан лично посещали иностранные посольства, где разговаривали на французском языке. Общение турок с французским меньшинством в Стамбуле оказывало влияние на образ жизни, традиции турецкого населения и способствовало распространению французских слов. В Уставе Министерства всеобщего образования (1896 г.) говорилось о необходимости изучения французского языка учителями школ. Французская лексика проникала в турецкий язык и через служащих канцелярии Министерства иностранных дел в Стамбуле. Литераторы использовали французские слова в своих произведениях, когда они были вынуждены маскировать запрещенные идеи. Французский язык стал выполнять функции второго языка в стране. В XX в. приток французской лексики продолжился с еще большей интенсивностью. Провозглашение Республики в 1923 г. ознаменовалось разрывом с мусульманской культурой. В результате этого после 1930 г. началось очищение турецкого языка от арабо-персидских элементов, вместо которых заимствовались главным образом слова французского происхождения. Следствием Второй мировой войны был новый поток различных французских терминов. Вступление Турции в такие западные организации, как НАТО, Совет Европы и др., укрепило международные связи турок всех классов и уровней и способствовало еще большему лексическому влиянию французского языка на турецкий [11, с. 5 – 7].

В своей работе Э.Эсенкова использовал данные нескольких разновременных словарей. В первом из них, 1885 г., он обнаружил только 165 французских слов, в словаре 1896 г. – 269, в издании 1928 г. – 1412, в словаре 1939 г. – 1968, в издании 1941 г. – 2411, в словаре 1945 г. – 2482 единицы лексики и, наконец, в словаре 1955 г. – 2500. Таким образом, за 70 лет число французских заимствований в турецком словарном фонде значительно увеличилось [11, с. 7 – 8]. Однако специальную лексику, употреблявшуюся врачами, учеными, инженерами, деятелями искусства и т.п., турецкий лингвист по непонятной нам причине не учитывал. Но это говорит о том, что заимствованной из французского языка лексики в указанных словарях еще больше, чем указано исследователем.

По утверждению Э.Эсенковы, начало XX в. было временем, когда турецкий язык подвергался наибольшему французскому воздействию. Центром распространения французских слов в Турции был Стамбул. В то же время все слои общества в разных районах страны в меру своих материальных и духовных потребностей и в соответствии с уровнем образования использовали французскую лексику. Радио, газеты, поездки за границу, международные контакты содействовали обильному поступлению новых французских слов [11, с. 9].

Э.Эсенкова отмечает, что письменное выражение французской лексики в турецком языке в основном соответствовало ее произношению во

французском. Но долгота гласных, имеющая место во французском языке, в турецком не соблюдалась (*ruj, hektar*). Для указания на мягкое произношение *l* перед гласным *a* употребляется диакритический знак ^ . Французский согласный *n*, образующий носовые гласные, в турецком языке стал произноситься (*balkon, restoran*). По части ударения французские слова не испытывали никаких затруднений при переходе в язык турок. Однако некоторое количество французских заимствований, оканчивавшихся на гласный, следуя итальянскому образцу, получило ударение на предпоследний слог (*manto, parke*). Касаясь семантических изменений французской лексики в турецком языке, автор работы указывает, что французские заимствования иногда приобретали в языке турок, например в сленге (арго), совершенно другие значения. Во французском языке *Dis donc!* означает «Скажика!», «Эй, ты!». В турецком языке это выражение, употребляясь слитно (*didon*), сначала получило значение «француз», а потом в арго «пижон», «щеголь». Французское слово *comtess*e «графиня» стало использоваться учащимися школ как «учительница», «училка» - *kontes* [11, с. 10 – 24].

Э. Эсенкова подчеркивает, что приток лексики французского происхождения особенно затронул сферы науки, искусства, спорта, торговли, промышленности и техники. Очень много слов, обозначавших различные предметы, вещи, мебель, товары, одежду , также вошло в турецкий язык. По мнению ученого, количество французских заимствований в турецком языке с первого взгляда вызывает тревогу. Но эти слова открыли туркам «горизонты прогресса». Удовлетворяя их потребности, французская лексика обогатила турецкий язык новыми выражениями [11, с. 25 – 26].

В 1960 г. была издана работа Агаха Сырры Левенда «Периоды развития и упрощения турецкого языка», в которой говорится, что в период Танзимата турецкая молодежь, обучаясь французскому языку во Франции или на родине, изучала идеи, выдвинутые Великой французской революцией. Усвоив их, молодые люди распространяли европейские понятия в стране турок [12, с. 80], и все больше французских слов поступало в турецкий язык.

В 1975 г. Омер Асым Аксой опубликовал свой труд «Развитие и очищение турецкого языка». По его мнению, главной причиной поступления европейских слов в турецкий язык послужил разрыв с восточной культурой и установление всесторонних связей с западной цивилизацией. Особое внимание стало уделяться обучению европейским языкам. Количество молодых людей, получивших образование на Западе и знавших иностранные языки, значительно возросло. Усилились контакты со странами Западной Европы в науке, искусстве, дипломатии, торговле и технике. Все эти факторы оказывали влияние на турецкий язык в различных его сферах. Турецкая интеллигенция, используя знания, полученные с Запада, часто употребляла европейские слова, вызывая зависть у недостаточно образованных людей и побуждая их также применять эту лексику [13, с. 69].

О.А.Аксой отмечает, что заимствования из западных языков употреблялись в газетах (*anons, politik*). Спортивные статьи были переполнены французской и английской лексикой (*ekip, maç, tribün*). В магазинах, ателье, парикмахерских, светских салонах использовались европейские названия одежды, украшений, туалетных принадлежностей (*fason, kostüm, model*). Ученые и деятели искусства пользовались международными терминами (*aktör, artist, filolog*). Развитие техники вызывало необходимость поиска турецких эквивалентов поступавшей западной лексике. Однако число и разнообразие терминов были настолько велики, а их распространение так стремительно, что эти усилия были неэффективны. Поэтому сотни подобных заимствований нашли себе место в турецком языке (*traktö*r, *astronot, radar*). Водители транспорта стали употреблять слова: *pedal, vites* и др. Целый ряд западных заимствований, используемых в государственных учреждениях, в инструкциях, официальных письмах, получил распространение в языке всего народа (*dekan, kontrolör, üniversite*) [13, с. 70 – 74].

Для сравнения лексического состава турецкого языка до и после алфавитной реформы О.А. Аксой исследовал два словаря. В словаре 1901 г. было обнаружено 1133 западных заимствования (3,8 %), а в издании 1974 г. – уже 4266 слов (14 %). Количество европейской лексики за 73 года увеличилось на 3133 единицы (на 10,2 %), а число арабских и персидских слов значительно уменьшилось (на 25,65 % и 8,05 %) [13, с. 90 – 91].

В 1976 г. вышла в свет работа Кямиле Имера «Реформа турецкого языка в аспекте его изменения и развития». В ней рассматриваются переводные слова и словосочетания (кальки), благодаря которым в турецком языке появлялись новые выражения. Самую многочисленную группу составляют сочетания, в которых переведено каждое слово (*ana okulu* «детский сад», фр. *école maternelle*; *demiryolu* «железная дорога», фр. *chemin de fer*). Другая группа включает выражения, где первое слово исконно турецкое, а второе заимствованное (*kur yapmak* «ухаживать за кем-л.», фр. *faire la cour; rekor kırmak* «побить рекорд», англ. *break the record*). К.Имер также освещает вопрос о семантическом влиянии западной лексики на исконную. Например, турецкое слово *yıldı*z «звезда» в дополнение к основному значению получило другое – «кинозвезда» (англ. *star*, фр. *étoile*), слово *dal* «ветка» приобрело еще одно значение – «отрасль науки» (фр. *branche*, англ. *branch*) [14, с. 22 – 25].

В 1996 г. ТЛО опубликовало новое, расширенное и исправленное, издание «Орфографического справочника», составленного группой турецких лингвистов во главе с Ахметом Б.Эрджиласуном. В предисловии, написанном ТЛО, говорится, что в справочнике есть слова, не освоенные турецким языком (*ödünçlemeler*), со-

хранившие оригинальное правописание (*check-up, fuel oil, by-pass, pizza, spaghetti*) [15, с. XIV, 47]. Личные имена и географические названия из языков с латинской системой письма обычно имеют свою первоначальную орфографию (*Byron, Rousseau, Shakespeare, İle-de-France*, *New York, Nice*). Но некоторые собственные имена и названия, которые уже давно употребляются в турецком языке, пишутся по его правилам (*Napolyon*, *Brüksel, Londra* и др.) [15, с. 48]. В книге дается список сокращений, в котором можно найти много заимствований, в основном из английского и французского языков (*AIDS, EKG, INTERPOL, NATO*, *TV, UNESKO* и др.) [15, с. 73 – 85].

В 2000 г. была издана «Грамматика турецкого языка» Тахсина Бангуоглу, где рассматриваются «неправильные» слоги (т.е. не соответствующие турецкой слоговой структуре) в словах, заимствованных из западных языков. Автор пишет, что турецкий язык их постепенно тюркизировал. Например, если слово начиналось с двух согласных, перед ними мог употребляться гласный, разделяющий их на разные слоги (*istasyon, iskele, ispirto, iskelet*) [16, с. 54 – 55].

Подводя итоги настоящему обзору, отметим, что ученые дальнего зарубежья внесли значительный вклад в изучение западноевропейских заимствований в турецком языке. Особо должны быть оценены труды Ж.Дени, Ю.Хейда, К.Штойервальда, Х.Палавана, Э.Эсенковы и О.А.Аксоя. В работах, опубликованных на французском, английском и немецком языках, рассмотрены фонетические особенности западных слов в турецком языке, исследовано лексическое влияние европейской культуры на язык турок, выделены этапы заимствования западной лексики и определены ее пласты, освещена деятельность ТЛО, связанная с проблемой европейских слов в турецком языке, сравнены особенности заимствования арабо-персидской и европейской лексики, выяснены причины резкого преобладания французских слов среди заимствований из западных языков, показана роль разных слоев населения в рассматриваемом процессе, отмечены виды синтаксических сочетаний, пришедших в турецкий язык из французского. В трудах лингвистов Турции указаны признаки, по которым заимствованную лексику можно отличить от исконной, рассмотрены вопросы международной терминологии, вошедшей в турецкий язык в основном через французский, указаны причины проникновения европейских слов в язык турок, освещены турецко-французские связи, приведены некоторые статистические данные, касающиеся количества западной лексики в турецком языке, дано сравнение числа французских заимствований в разновременных словарях, где показана динамика увеличения количества французских слов, исследована французская лексика с фонетической, морфологической и семантической точек зрения, выделены сферы употребления западных слов в языке турок, рассмотрены переводные словосочетания, отмечено семантическое влияние западноевропейской лексики на исконную, указано на употребление в турецком языке не освоенных им слов, сохранивших оригинальную орфографию, а также немалого числа сокращений, заимствованных из английского и французского языков. В рассмотренных нами работах отмечается роль западной лексики в обогащении турецкого словарного фонда и подчеркивается ее положительное воздействие на культурное развитие Турции.

Вместе с тем в проанализированной здесь литературе отсутствуют специальные монографические исследования по западноевропейским словам в турецком языке. Основные труды по теме, вышедшие в свет до 80-х годов XX в., не отражают процессы, имевшие место в последнее время. Нет необходимых статистических материалов по числу заимствований из разных европейских языков, по процентному соотношению количества слов, проникших из них.

Негативные моменты в разработке темы западными и турецкими учеными во многом сходны с теми, которые характерны для русскоязычной тюркологической литературы. Вопросов, затронутых зарубежными авторами в их работах, автор статьи надеется коснуться в своих последующих публикациях. Совершенно очевидна необходимость большого специального исследования, посвященного западноевропейской лексике в языке турок. Актуальность его написания усиливается тем обстоятельством, что в украинской тюркологии рассмотренная тема практически не нашла освещения.

Литература

1. Буров А.Г. Из истории изучения западноевропейских заимствований в турецком языке: работы российских и украинских исследователей // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 31. – С. 170 – 174.
2. Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). – Paris : E.Leroux, 1921. – 1218 p.
3. Deny J. Principes de grammaire turque (« Turk » de Turquie). – Paris : Adrien-Maisonneuve, 1955. – 183 p.
4. Bazin L. Introduction à l'étude pratique de la langue turque. – Paris : Adrien-Maisonneuve, 1968, 1968. – 203 p.
5. Heyd U. Language reform in modern Turkey. – Jerusalem: Israel Oriental society, 1954. – 116 p.
6. Kahane H. & R., Tietze A. The lingua franca in the Levant. Turkish nautical terms of Italian and Greek origin. – Urbana: University of Illinois press, 1958. – 752 p.
7. Lewis G.L. Turkish grammar. – Oxford: Clarendon press, 1967. – 303 p.
8. Steuerwald K. Untersuchungen zur türkischen Sprache der Gegenwart. – Berlin – Schönenberg: 1963. – 696 S.
9. Emre A.C. Türk dilbilgisi. Türkçenin bugünkü ve geçmişteki gelişimleri üzerine gramer denemesi. – İstanbul: TDK gramer kolbaşısı, 1945.
10. Palavan H. Türk dili ve terminologisi hakkında bazı düşünceler. – İstanbul: s.n., 1953. – 48 s.

11. Esenkova E. Türk dilinde Fransız tesiri. – İstanbul: Matbaacılık A.Ş., 1959. – 31 s.
12. Levend A.S. Türk dilinde gelişme ve sadeleşme evreleri. – Ankara: Türk dil kurumu yayınlarından, 1960. – 498 s.
13. Aksoy Ö.A. Gelişen ve özleşen dilimiz. – Ankara: Türk dil kurumu yayınları, 1975. – 111 s.
14. İmer K. Dilde değişme ve gelişme açısından türk dil devrimi. – Ankara: Türk dil kurumu yayınları, 1976. – 126 s.
15. İmla kılavuzu. – Ankara: Türk dil kurumu yayınları, 1996. – 443 s.
16. Banguoğlu T. Türkçenin grameri. – Ankara: Türk dil kurumu yayınları, 2000. – 628 s.

Вечканова Э.Ю.

ТЕОРИЯ ЖАНРОВ, ПРОБЛЕМЫ РОМАНТИЗМА И РЕАЛИЗМА В РАБОТАХ Н. ФРАЯ 60-80-Х ГОДОВ

Цель статьи – анализ теории жанров и проблемы романтизма и реализма в работах Н. Фрая. Для реализации поставленной цели необходимо глубоко проанализировать работы Н.Фрая, изданные в 60–80 годы XX века.

Общая теория жанров была разработана Н. Фраем уже в четвертом разделе «Анатомии критики». В более поздних работах Н. Фрай конкретизировал свои концепции и, главное, детально проанализировал жанровые особенности комедии, трагедии, эпоса, романа. Это было сделано прежде всего в книгах «Естественная перспектива: Развитие шекспировской комедии» (1965), «Возвращение Рая: Пять очерков по эпосу Мильтона» (1966), «Шуты времени: Исследование шекспировской трагедии» (1967), «Мирское писание: Исследование структуры романа» (1976) и некоторых других.

В «Анатомии критике» Н. Фрай прежде всего определяет «жанровые» особенности художественной литературы в целом, выделяя ее среди других форм словесного выражения. Если все они, эти формы, опираются на логику и грамматику, то для художественной литературы этого мало. Ее определяющим фактором должна быть «риторика». Причем риторика особая. Ее Н. Фрай называет «орнаментальной» и противопоставляет риторике «убеждающей». Орнаментальная риторика призвана не убеждать в чем-то, а доставлять эстетическое удовольствие. Ее специфическими средствами изображения являются ритм, рифма, метр, аллитерация, противопоставление и т.п. «Орнаментальная риторика, - пишет Н. Фрай, - является неотъемлемой частью литературы как вербальной структуры, которая является самодостаточной» [1].

Н. Фрай жалуется на то, что теория жанров очень слабо разработана. Все большее разнообразие художественного творчества охватывается всего лишь тремя «жанровыми» терминами – драма, эпос и лирика. Но, например, поэма средних размеров фактически не может быть определена ни одним из указанных терминов – это не эпос, но и не лирика. Учитывая это, Н. Фрай предлагает «жанровые различия литературы» определять посредством их «представления». «Жанр может быть определен, - пишет литературовед, - указанием на специфику ситуации, возникающей между поэтом и его аудиторией. Слова могут быть произнесены перед аудиторией, они могут быть пропеты, продекламированы или представлены в печатном виде» [2]. В этой связи Н. Фрай говорит о «жанре устного слова», который по своему характеру близок к понятию «эпос», но более широк по диапазону. В частности так понятый жанр снимает отмеченную выше проблему «поэмы среднего размера». Н. Фрай предлагает оставить термин «эпос» для древних сказаний, таких как «Илиада», «Одиссея», «Энеида», а в современной литературе определять им все те произведения в стихах или прозе, которые рассчитаны на устное исполнение и воспринимающую аудиторию. Противостоит «устному» жанру, жанр письменный или печатный, в котором «как автор, так и его персонажи спрятаны от читателя». В лирике же, наоборот, «спрятана» аудитория поэта. Лирический поэт чаще всего «говорит для себя». В древнем же эпосе «муза говорит устами поэта».

Эпос и беллетристика определяются Н. Фраем в качестве жанрового «центра литературы», по флангам которого расположены драма и лирика. Драма тесно связана с ритуалом, а лирика – с грезами или видениями. Эпос и современная беллетристика уходят корнями в миф.

Если определение литературы в качестве «орнаментальной риторики» Н. Фрай обосновал весьма убедительно, то его попытку дать новое толкование литературных жанров едва ли можно назвать удачным. Он прав, указывая на то, что традиционное деление литературы на эпос, драму и лирику не охватывает всего многообразия литературы, однако его собственное определение жанра по «способу представления» является слишком широким и весьма расплывчатым. Нет, в частности, четкости в понятиях «жанр устного слова», «жанр печатного слова». Дело в том, что «устное слово», может перейти в «печатное» и наоборот.

Проблемам жанра, вопросам соотношения реализма и романтизма в произведениях Шекспира (прежде всего в его комедиях) посвящена книга Н. Фрая «Естественная перспектива: развитие шекспировской комедии» (1965).

Книга начинается с рассуждения о двух типах восприятия литературы и, соответственно, о двух типах критика. Вспомнив замечания Колльриджа о том, что все философы делятся на две группы – платоников и аристотелианцев, Н. Фрай предлагает подобную, как он говорит, дихотомию и в отношении критиков. Но в основу этого деления кладет не Платона и Аристотеля, а «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. Интересы первых связаны с «трагедией, реализмом и иронией, вторых - с «комедией и романтизмом» (под «романтизмом» («romance») он разумеет прежде всего приключенческие произведения в духе рыцарских романов или романтических комедий Шекспира.